

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

К. Чёрный

ПУШКИН — ОЧЕРКИСТ

(Работа Пушкина над «Путешествием в Арзрум»)

Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков.

А. Пушкин.

Оказавшись на Кавказе, Пушкин стал вести путевые записи. Первая такая запись была датирована 15 мая. Она была произведена в городе Георгиевске, куда Пушкин прибыл после кратковременного пребывания на Горячих водах (в Пятигорске). Эта первая запись положила начало будущему «Путешествию в Арзрум».

По возвращении с Кавказа Пушкин опубликовал в «Литературной газете» (1830 г. № 6) небольшой очерк под названием «Военная Грузинская дорога» с подзаголовком «Извлечение из путевых записок А. Пушкина».

Полностью «Путешествие в Арзрум» было опубликовано в журнале «Современник» (1836 г., № 1) под названием «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» и более при жизни Пушкина не печаталось.

Но как первый отрывок («Военная Грузинская дорога»), так и всё произведение («Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года») были опубликованы с крупными цензурными изъятиями, искажениями и ошибками.

В дальнейшем перед пушкиноведением встала задача: дать читателю текст пушкинского произведения, соответствующий авторскому оригиналу. Решающую роль в этом отношении сыграли сохранившиеся автографы «Путешествия». Главным из них является беловой автограф «Путешествия в Арзрум», подготовлявшийся Пушкиным для издания отдельной книгой. Помимо этого сохранился автограф отрывка «Военная Грузинская дорога», напечатанного в «Литературной газете». Сохранились также автограф «Путевых записок» 1829 года, автограф отрывка из «Путевых записок», датированного «Арзрум, 12 июля 1829 года»; автограф первоначальной редакции «Предисловия», цензурный экземпляр автографа «Предисловия», первоначальная рукопись «Маршрута от Тифлиса до Арзрума» и, наконец, писарская копия «Приложений» и «Маршрут от Тифлиса до Арзрума».

Все рукописные материалы, относящиеся к «Путешествию в Арзрум», в разное время опубликованы. Однако долгое время текст «Путешествия» печатался с искажениями. Только в советское время текстологическая работа над «Путешествием в Арзрум», направленная на уточнение пушкинского оригинала, была успешно завершена. Впервые не искажённый текст «Путешествия в Арзрум» был дан в издании полного собрания сочинений А. С. Пушкина в 6-ти томах (под общей редакцией А. В. Луначарского, Д. Бедного, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьёва, П. Е. Щеголева, ГИЗ, 1930 г.). В работе над этим изданием принимали участие виднейшие учёные пушкиноведы страны, и, в частности,

Ю. Тынянов, взявший на себя редактирование «Путешествия в Арзрум». Это была первая по-настоящему научная редакция «Путешествия в Арзрум». Тынянов работал по автографу «Путешествия в Арзрум». Им внесены последние поправки в ранее печатавшиеся тексты.

В настоящее время текст «Путешествия в Арзрум» печатается по беловому автографу, с поправками по «Современнику». Так как в беловом автографе отсутствовали места, изъятые цензурой из очерка «Военная Грузинская дорога» (Пушкин их не включил в беловую рукопись «Путешествия», ибо было бесполезно снова воевать с цензурой), то эти цензурные изъятия восстановлены по рукописи «Путевых записок» 1829 г., где эти, изъятые цензурой отрывки даны почти в совершенно беловом виде (как, например, рассказ о посещении Ермолова). Таким образом, в уточнённый ныне текст «Путешествия» из «Путевых записок» 1829 г. взяты: 1) отрывок о посещении Ермолова, 2) отрывок о положении аманатов.

«Предисловие» к «Путешествию» печатается по «Современнику». По «Современнику» же взято и внесено в печатный текст наших изданий деление на главы с кратким перечнем тем каждой главы.

Над своим произведением Пушкин работал долго и тщательно. Об этом свидетельствует сравнение автографа белой рукописи «Путешествия» с автографом «Путевых записок» 1829 года и автографом очерка «Военно-Грузинская дорога».

Как известно, у Пушкина в черновом варианте очерка «Военная Грузинская дорога» было место, обращенное к русскому духовенству и заполненное гневным обличением последнего. Однако уже в том беловом автографе, который Пушкин представил для цензурного просмотра Николаю I, этого отрывка не было, так же как не было его и в белой рукописи «Путешествия в Арзрум», по которой это произведение было опубликовано в «Современнике». Место, полное обличительного пафоса, направленного против русского духовенства, с одной стороны, и в защиту иностранного миссионерства, с другой, у Пушкина было заменено фразой: «Кавказ ожидает христианских миссионеров». Чем вызвана такая замена?

Занимаясь разбором «Тазита» и установлением связи между «Тазитом» и опущенной Пушкиным страницей о миссионерах в «Путешествии в Арзрум», Анненков называет эту страницу «жаркой», «выпущенной неизвестно почему». Анненков недоумевал, хотя в этом недоумении скрывается совершенно явная мысль, не одобряющая изъятие. В последующей литературе укрепилось объяснение, что Пушкин это сделал под давлением цензурного гнёта. Цензура действительно душила Пушкина, но известно, что Пушкин чрезвычайно энергично боролся с цензурой, добиваясь продвижения своих произведений в неискажённом виде. В данном случае изменения внесены до представления произведения в цензуру и, таким образом, носят характер добровольной переделки.

Понять причину этой переделки можно, сопоставив следующие факты.

В начале XIX столетия на Кавказе было много западных миссионеров. Рядом с Пятигорском в селении Каррас (бывший аул) создана была целая колония. Её основали в 1803 г. Шотландские миссионеры. Колония была расположена у самого подножья Бештау, и Пушкин, трижды посещая Пятигорск, не мог не побывать в этой колонии и не знать о её делах. Между тем было установлено, что миссионеры под личиной проповедывания слова божия занимались таким «просвещением» горцев, которое явно преследовало интересы иноземного государства. Если ещё раз вспомнить о том чрезвычайно повышенном интересе Англии к Кавказу, за которым стояли её далеко идущие агрессивные

империалистические вождения, станет вполне понятным использование Англией миссионеров в качестве силы, проводящей на Кавказе английские влияния. Миссионерство, разумеется, открывало широкие возможности для шпионажа. Пушкин хорошо был осведомлён об английских притязаниях на Кавказ. Мысль о проповедывании религии на Кавказе, дававшая возможность поэту нанести удар по духовенству, столь болезненно и неоднократно вторгавшемуся в его судьбу, была чрезвычайно подкупающей. Пушкин сначала написал:

«Терпимость сама по себе вещь очень хорошая, но разве апостольство о ней не совместно? Разве истина дана нам для того, чтоб скрывать её под спудом? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мраке детских заблуждений, и никто ещё из нас не думал препоясаться и идти с миром и крестом к бедным братьям, донныне лишённых света истинного. Легче для нашей холодной лености в замену слова живого выливать мёртвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты. Нам тяжело странствовать между ними, подвергаясь трудам, опасностям по примеру древних апостолов и новейших римско-католических миссионеров.

Лицемеры! Так ли исполняете долг христианства? Христиане ли вы? С сокрушением раскаяния должны вы потупить голову и безмолствовать. Кто из вас муж Веры и Смирения уподобился святым старцам, скитающим по пустыням Африки, Азии и Америки, без обуви, в рубищах, часто без крова, без пищи — но оживлённым тёплым усердием и смиренномудрием. Какая награда их ожидает? Обращение престарелого рыбака или странствующего семейства диких, нужда-голод, иногда мученическая смерть. Мы умеем спокойно блистать велиречием, упиваться похвалами слушателей. Мы читаем книги и важно находим в суетных произведениях выражения предосудительные.

Предвижу улыбку на многих устах — многие, сближая мои калмыцкие нежности с черкесским негодованием, подумают, что не всякий и не везде имеет право говорить языком высшей истины — я не такого мнения. Истина, как добро Мольера, там и борется, где попадётся».

Но в этой тираде, обличающей русское духовенство, вследствие противопоставления ему западных миссионеров, возникло восхваление последних. Роль же западных миссионеров, как уже говорилось, была чрезвычайно неблагоприятна по отношению к русскому государству. Такое положение могло естественно натолкнуть Пушкина на размышления и в конце концов склонить к совершенно добровольному, а не вынужденному изменению всего отрывка.

Дело о шотландских и немецких миссионерах в Каррасе было предметом долгого государственного разбирательства. Совершенно очевидно, что Пушкин, осведомлённость которого в делах русской политической жизни была, без сомнения, очень широка, знал и о делах иностранных миссионеров.

Во всяком случае, нельзя отнестись безразлично к тому, что это политическое соображение могло оказать большое влияние на Пушкина при решении вопроса о том, следует ли оставить отрывок о миссионерах или нет.

Можно ещё добавить к этому, что во всём этом отрывке звучит совершенно не пушкинская интонация. Пушкину, бравшему «уроки чистого афеизма», автору «Гавриилады», «Вакхической песни», изумительно человеческой и земной лирики, Пушкину—атеисту явно чужд «проповеднический» тон отрывка. Пушкин мог убрать отрывок ещё и по мотивам художественной добросовестности, оставаясь и здесь искренним художником, каким он был во всём и всегда.

При опубликовании «Путешествия в Арзрум» в «Современнике» Пушкин это место опустил. Но в 1859 году Е. И. Якушкин опубликовал статью «Проза

Пушкина». Статья представляла библиографический обзор VII тома собрания сочинений Пушкина в изд. Анненкова. Статью свою Е. И. Якушкин начал так: «Прозаических сочинений Пушкина, не вошедших в III том изд. г. Анненкова, очень немного. В сборнике нашем напечатанных сочинений Пушкина есть несколько отрывков, важных для будущего биографа-поэта». Затем в самой статье Якушкин опубликовал впервые черновик Пушкина о христианских миссионерах, причём опубликовал, не разобравшись хорошо в нём, с явными ошибками.¹

Беловая рукопись «Путешествия в Арзрум», сделанная Пушкиным для подготавливавшегося им отдельного издания, тогда еще не была известна, и утверждение Е. И. Якушкина твёрдо упрочилось в пушкиноведении. Во всяком случае, во всех наиболее авторитетных изданиях сочинений Пушкина, выходящих под редакцией Ефремова, Морозова, Венгерова и др., «Путешествие в Арзрум» печаталось с указанным выше отрывком. Само собой понятно, насколько включение этого отрывка, фигурировавшего* у Пушкина в черновых набросках, а затем добровольно и решительно им изъятого из текста «Путешествия», искажало текст произведения, а стало быть, в искажённом виде представляло читателю и Пушкина.

Исправление многих текстологических ошибок, допущенных старыми пушкиноведами, сделано советскими пушкиноведами.

Так, в очерке «Военная Грузинская дорога» у Пушкина было сказано:

«Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я своротил на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в Курском трактире и не любопытствуя посетить Харьковский университет».

Однако в беловом автографе эта фраза выглядит иначе. В ней имеются добавления, превносящие в эту фразу острый смысл: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я своротил на прямую дорогу, жертвуя хорошим обедом в Курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации». Любопытно отметить, что в «Путевых записках», которые вёл Пушкин в дороге, эта фраза была в таком виде, в каком она вошла и в беловую рукопись «Путешествия в Арзрум». Но в очерке «Военная Грузинская дорога» характеристика Харьковского университета отсутствует. Очерк этот представлялся Пушкиным для цензуры Николаю I, и, не желая, очевидно, создавать повод для запрещения очерка, Пушкин сгладил эту фразу. Но в «Современнике» при опубликовании «Путешествия в Арзрум» полностью Пушкин возобновил фразу по тексту путевых записок. Фраза звучит как сатира на официальное образование.

Из «Путевых записок» 1829 года Пушкиным выброшена фраза: «Смотря на манеры ямщиков, я со скуки пародировал американца Купера в его описаниях морских эволюций». Выбрасывается также из «Путевых записок» 1829 года при обработке материалов записок для очерка «Военная Грузинская дорога» и описание кареты своего спутника Мусина-Пушкина.

Подвергается существенной правке и следующее за этим место, начинающееся словами: «Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее» и заканчивающееся словами: «У кибиток их пасутся их уродливые косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского». Должно отметить, что в трех вариантах: «Путевые записки» 1829 года, «Военная Грузинская дорога» и

¹Так, совершенно опущено прямое обращение Пушкина к церковникам. «Лицемеры, так ли исполняете долг христианина», допущены произвольные перестановки, «калмыцкие нежности» прочитано как «коллекции стихов».

«Путешествие в Арзрум» это место выглядит по-разному. В «Путешествии в Арзрум» с художественной стороны это место выглядит безупречно. В нём узнаётся Пушкин с его твёрдой реалистической установкой в прозе на краткость, точность, простоту.

Примером художественной требовательности Пушкина-реалиста может служить его тщательная переработка сцены, описывающей встречу с калмычкой. Приведём её по тексту «Путевых записок» 1829 года.

«На днях, покамест запрягли мне лошадей, пошёл я к калмыцким кибиткам (т. е. круглому плетню, крытому шестами, обтянутому белым войлоком, с отверстием вверху). У кибитки паслись уродливые и косматые кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. В кибитке я нашёл целое калмыцкое семейство; котёл варился по середине, и дым выходил в верхнее отверстие. Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, тёмнорумяное. Багровые губки, зубы жемчужные. Замечу, что природа калмыков начинает изменяться, и первобытные черты их лица мало по-малу исчезают. Я сел подле неё. Как тебя зовут?.. сколько тебе лет? — десять и восемь. Что ты шьёшь? — портка. Кому? себя. Поцелуй меня. Неможна, стыдно. Голос её был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Не думаю, чтобы кухня какого бы то ни было народу могла произвести что-нибудь гаже. Она предложила мне свой ковшик — и я не имел силы отказаться. Я хлебнул, стараясь не перевести духа,— я просил заесть чем-нибудь, — мне подали кусочек сушёной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием, подобным нашей балалайке. Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот в ней послание, которое, вероятно, никогда до неё не дойдёт».

Весь этот эпизод значительно сокращается. Пушкин, при сокращении этого эпизода, убирает все излишества, мало выразительные подробности, оставляет наиболее характерное, типичное, то есть то, что могло предоставлять существенный интерес для читателя.

В работе над отрывком Пушкин опять-таки придерживается всё той же своей неизменной установки на краткость, ясность, чёткость, простоту.

Вместо длинного описания кибитки одна короткая фраза: «Клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком». Длинное описание калмычки также становится в последнем варианте, т. е. в «Путешествии в Арзрум» очень коротким. Интересно проследить, за счёт чего это делается: исчезает совершенно портрет калмычки и следовавшее за ним обобщение о том, что калмыки приобретают внешние черты европейцев. Что руководит Пушкиным при этих сокращениях? Художественный такт писателя-реалиста. Постараемся обосновать это утверждение. Портрет калмычки дан в чрезвычайно общих чертах, в этом портрете нет ничего характерного, бросающегося в глаза, иначе говоря, в этом портрете нет никакой индивидуальной характеристики, он поражает своей схематичностью и тривиальностью: тёмнорумяное смуглое лицо, багровые губки, жемчужные зубы. Портрет нарисован явно не по-пушкински. Достаточно сравнить его с портретом Ермолова, чтобы почувствовать это («голова тигра на геркулесовом торсе»). Пушкин весь портрет калмычки перечёркивает, так же как последующее обобщение, как явно делающееся необоснованным после уничтожения портрета калмычки.

Выбрасываются из отрывка также все места, носящие личный характер, характер интимной подробности, которая вполне естественна в дневнике, но не

существенна в произведении большой общественной значимости, каким является «Путешествие в Арзрум». (Так же как описание кареты «Мусина-Пушкина»), В окончательной обработке отрывок приобрёл такой вид:

«На днях посетил калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Всё семейство собиралось завтракать. Котёл варился по середине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки. Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле неё: «Как тебя зовут?» «Сколько тебе лет?» — «Десять и восемь». — «Что ты шьёшь?» — «Портка». «Кому?» «Себя». Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться, и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил что-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушёной кобылятины; я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; и поскорее выбрался из кибитки — и поехал от степной Цирцеи».¹

Сразу же при сличении двух отрывков бросается в глаза, что первый — это только запись в дневнике, второй — часть художественного произведения. Какими средствами Пушкин переделал черновую запись в художественное произведение? Во-первых, отрывок значительно сокращён. Из 198 слов первого отрывка Пушкин сократил 112. Но дело даже не в этом. Можно и при краткости фразы, по мысли быть бессодержательным и растянутым. Дело в том, что при краткости, которой добился Пушкин в этом отрывке, торжествует принцип, закон реалистической прозы: в немногие слова вместить огромность содержания. Это один из существенных принципов пушкинской прозы. Мы видим в этой работе над отрывком Пушкина художника-реалиста. После обработки отрывка слово у Пушкина приобрело предельно-точную и предельно-выразительную "функцию, а весь отрывок — неповторимую пушкинскую глубину содержания, точность и ясность художественных формулировок, передаваемых энергичным ритмом пушкинской прозы.

Высокий вкус художника-реалиста объясняет нам и работу Пушкина над следующей фразой «Путевых записок» 1829 года: «Так бедный молодой шалун, сделавшись со временем человеком степенным и порядочным — теряет свою прежнюю любезность». Как известно, к этому образу Пушкин прибег для того, чтобы охарактеризовать изменения на Минеральных водах в связи с их благоустройством.

В очерке «Военная Грузинская дорога» фраза эта несколько уточняется: «Так бедный молодой шалун делается со временем человеком степенным и порядочным, но теряет свою прежнюю любезность». Характерно: в «Путевых записках» 1829 года эта фраза была сначала Пушкиным зачёркнута, в очерке «Военная Грузинская дорога» в несколько переработанном виде употреблена, а из «Путешествия в Арзрум» целиком и решительно изъята. Очевиднее всего убрать это сравнение Пушкина заставило малое художественное правдоподобие: слишком отдалённой является аналогия, заключённая в этом образе: благоустроенные Минеральные воды и остепенившийся шалун.

Работа над «Путешествием в Арзрум» Пушкиным проводилась чрезвычайно тщательно, а главное, эта работа проводилась с очень твёрдых реалистических позиций Пушкина-прозаика. Именно Пушкин—враг всякого романтического украшения, защитник образности краткой, но предельно насыщенной мыслью, виден на каждом шагу его работы над «Путешествием». Так, например,

¹ А. С. Пушкин, т. 8, ч. I, стр. 446—447.

описание оказии в «Путевых записках» ощущается как черновая запись (да так оно по существу и было).

Описание «оказии», как и сцену с калмычкой, Пушкин значительно сократил. Он выбросил всё лишнее, являющееся повторением, как например, фраза: «наше общество представляло зрелище самое оживлённое». Это не нужно, потому что само собой вытекает из описания оказии. Вторая половина из рассказа о пушке перенесена ниже. Пушкин не скупится на поправки, причём, как может явствовать из характера их, продиктованы они стремлением добиться наибольшей точности и выразительности мысли, её реалистического полнокровия. Так, описывая крепости, встречавшиеся по дороге, Пушкин во фразу «..со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы, не разбегаясь...» вставляет слово «в старину», то есть в молодости. Слово, добавленное Пушкиным, уточняет образ, делает его более конкретным и ясным.

После внесённых изменений отрывок обретает плоть и кровь художественной картины, к которой уже ничего нельзя ни прибавить и от которой ничего нельзя отнять.

Выбрасывает Пушкин и некоторые подробности из описания Татартуба. (Выброшена следующая фраза: «Гр. Пушкин последовал за мной. Он начертил на кирпиче имя ему любезное — имя своей жены — счастливый.— А я своё —

Любите самого себя,
Любезный, милый мой читатель».

Личная жизнь поэта, к тому же весьма тяжёлая в период второй поездки на Кавказ, не предмет воображения. Если вспомнить, как не любил поэт выставления личности в творчестве, станет вполне понятным характер этого изъятия.¹

В белой рукописи «Путешествия в Арзрум» в качестве спутника Пушкина по прогулкам на Подкумок назван Александр Раевский (А. Р.). Однако в «Путевых заметках» в соответствующем месте стоит имя Николая Раевского (Н. Р.) с весьма интересным, вычеркнутым А. С. Пушкиным вариантом: с ге(нералом) Р(аевским). Слова эти писались девять лет спустя после самого события. В первую поездку Пушкин жил в Пятигорске вместе с Николаем и Александром Раевскими. Первоначальное упоминание Николая Раевского могло быть обычной ошибкой памяти.²

¹По поводу сожаления П. Вяземского, что Байрон не оставил мемуаров П. пишет: «Зачем жалеешь ты о потере Записок Байрона... Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота тебе видеть его на судне... Писать свои мемуары, заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью на том, что посторонний прочёл бы равнодушно».

²На некоторые ошибки памяти у Пушкина указывают его исследователи, ошибки, между прочим, свидетельствующие, что «Путешествие в Арзрум» писалось не сразу после поездки, как думали, например, Майков, Вейденбаум, Гершензон. Одну такую ошибку указывает Вейденбаум. У него читаем: «Пушкин пишет, что выехал из Эрзерума 19-го июля 1829 г. Придя у этот день проститься с Паскевичем, он нашёл его в сильном огорчении по случаю известия о смерти генерала Бурцева под Байбуртом. Здесь явная ошибка: дело в том, что Бурцев был смертельно ранен 19 июля, после полудня, в деле при сел. Харте. близ Байбурта. Так как селение это отстоит от Эрзерума по меньшей мере в 130 в., то известие о несчастном исходе боя при Харте могло быть получено Паскевичем не ранее 21 июля, весть же о кончине Бурцева, последовавшей 23 июля, застала Паскевича уже на походе к Байбурту, куда он спешно выступил из Эрзерума. Следовательно, остаётся предполагать, что или Пушкин выехал из Эрзерума не ранее 21 июля, когда уже было известно о смертельной ране Бурцева, или же, что Пушкин действительно оставил Эрзерум 19 июля, а известие о Бурцеве присоединил впоследствии, при окончательной отделке

С «генералом Раевским» по вполне понятной причине. Николай Раевский стал генералом только в русско-персидскую войну 1826—1828 гг. Весьма возможно, что это уточнение возникло в результате бесед Пушкина с Н. Раевским здесь на Кавказе, в действующей армии. Оно внесено Пушкиным уже в беловую рукопись очерка «Военная Грузинская дорога».

Довольно существенной переделке подвергается у Пушкина и то место, где он говорит о своём «Кавказском пленнике». Так, из путевой записи исключается целая фраза («Сам не понимаю, каким образом мог я верно, хотя и слабо («слабо» — вписано) изобразить нравы и природу, виденные мною издали»). Вместо этой фразы Пушкин вписывает: «и выражено верно». Таким образом, возникла короткая, чёткая и ясная характеристика «Кавказского пленника»: «Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно».

После сцены, описывающей встречу с пленными турками, работавшими на Военно-Грузинской дороге, Пушкин в беловую рукопись «Путешествия» включает большой отрывок. Он начинается словами: «В семи верстах от Карса находится Дариальский пост» и кончается: «Мы расстались большими приятелями» (Встреча с князем Казбеком). Небольшой этот отрывок ярко свидетельствует, насколько тщательно Пушкин работал над своим очерком. В нём запечатлены не только наблюдения, вызванные соприкосновением с изумительной кавказской природой («Клочок неба, как лента, синее над нашей головой. Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне похищение Ганимеда, странную картину Рембрандта...»), но он также свидетельствует и об использовании Пушкиным новейших литературных источников по Кавказу, придающих очерку характер научно-исторического исследования.

Работа Пушкина-художника над «Путешествием в Арзрум» шла по линии наиболее полного раскрытия изображаемого предмета, явления, действительности, жизни. Пушкин за формой никогда не забывает идейного содержания, больше того, свои эстетические средства он отдаёт наиболее полному и глубокому раскрытию идей действительности. И в тех случаях, когда перед Пушкиным возникают явления действительности с наиболее остро подчёркнутым их идейным содержанием, Пушкин работает особенно упорно. Совершенно не случайно в «Путешествии в Арзрум» местом, над которым Пушкин работает с особенной тщательностью, оказалось «Предисловие» к «Путешествию», которое Пушкин, как известно, многократно перерабатывал.

Имеется четыре варианта «Предисловия»: три рукописных и первопечатный текст «Современника». При изучении «Путешествия в Арзрум», «Предисловию» всегда отводилось много внимания, так как в «Предисловии» Пушкин сам якобы отвечал на вопрос, интересующий всех его исследователей, на вопрос о цели издания «Путешествия в Арзрум».

История этого «Предисловия» такова:

В 1834 году в Париже вышла книга В. Фонтанье о путешествии на Восток, предпринятом по поручению французского правительства. В этой книге Фонтанье касался, в частности, похода 1829 года и участия в нём Пушкина. О Пушкине Фонтанье говорил, что поэт в походе 1829 года нашёл сюжет не для поэмы, а для сатиры. Это утверждение французского дипломата было для Пушкина «гораздо досаднее, нежели брань русских журналов». Чтобы опровергнуть заявление Фонтанье, «решился я,— говорит А. С. Пушкин,— напечатать это предисловие и

своего «Путешествия». Первое предположение кажется вероятнее, так как Пушкин легко мог ошибиться в указании дня выезда из Эрзерума, а, с другой стороны, мы не имеем права не верить его личному свидетельству об огорчении Паскевича.

выдать свои путевые записки как всё, что мною было написано в походе 1829 года». Имея в виду это заявление Пушкина, исследователь кавказской тематики Пушкина, Вейденбаум, написал: «Всё «Путешествие» есть в сущности оправдательный документ против обвинения поэта в том, что он, находясь в действующем отряде, написал будто бы сатиру на графа Паскевича». Объяснение это укрепило в пушкиноведении.

Что Пушкин опубликовал своё «Путешествие в Арзрум» в связи с выходом книжки Фонтанье — это факт бесспорный. Но действительно ли Пушкин стремился только отвести обвинение в том, что он написал сатиру на Паскевича — этот факт подлежит большому сомнению.

Речь у Пушкина шла не только о защите собственного достоинства, речь шла не только о том, чтобы нанести удар по клевете, направленной против Пушкина как писателя. Это ясно при самом поверхностном ознакомлении с «Предисловием». Речь шла о другом, чрезвычайно существенном и важном для Пушкина: об исторической роли России, о взаимоотношениях России—родины Пушкина — с другими государствами.

Остановимся на этом подробнее.

Фонтанье был представителем французской миссии в Турции. Но, кроме непосредственных дипломатических функций, Фонтанье нёс ещё тайные функции в качестве шпиона французского правительства Луи-Филиппа. Путешествуя по Востоку в качестве «натуралиста, прикомандированного к французскому посольству в Константинополе», Фонтанье на деле был тайным осведомителем французского правительства о положении дел на Востоке. Таким образом, безобидные наблюдения «натуралиста» на самом деле были пронизаны далеко идущими политическими вожделениями, Фонтанье в официальных французских кругах июльской монархии значится специалистом по Востоку, и его книга, уже названная выше, и вторая, вышедшая пятью годами раньше, то есть в 1829 году носили характер ожесточённых нападок на исторически складывающееся воссоединение России и Кавказа. Фонтанье стремился в своих книгах всячески очернить в глазах Европы Россию, вызвать активное вмешательство европейских стран в «восточные дела» с тем, чтобы ослабить позиции России на Востоке. Россию Фонтанье пытался представить как какое-то пугало, «как смесь азиатского варварства и европейского феодализма», как угрозу благополучию европейских стран, хотя в памяти народов ещё были свежи события 1812—1815 годов, когда, по поэтическому выражению Пушкина:

...в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир.
И нашей кровью испутили
Европы вольность, честь и мир.

Пугая европейские страны усилением мощи России после войны 1812 года, Фонтанье вместе с тем стремился дискредитировать Россию, умалить её силы и, в

На другую ошибку указывает Ю. Тынянов: «Таким образом «Путешествие» было написано гораздо позднее «Путевых записок», а именно в 1835 г. Я даже не всегда на них основывалось. Это ясно как из характера сведений, даваемых Пушкиным на основании обширной научной литературы, так и из любопытной ошибки памяти: переезд через Безобдал Пушкин отнёс, например, по времени до выезда из укрепления Гергеры, тогда как перевал начинается после Гергеры».

частности, успешную войну с Турцией в 1828—29 году пытался объяснить не столько силой России, сколько немощью Турции.

Пушкину была известна политическая физиономия Фонтанье («купеческий консул Фонтанье») и его предисловие к «Путешествию в Арзрум» нельзя считать только «оправдательным документом». Выступление Фонтанье задевало не только личное достоинство Пушкина, но и достоинство гражданина страны, народ которой играл в мировой истории выдающуюся роль. Фонтанье хотел сделать А. С. Пушкина своим единомышленником, то есть человеком, готовым всю Россию с её славной историей смешать с грязью.

Это, естественно, вызвало у Пушкина резкий протест. Мы знаем, что тема родины, тема России у Пушкина была центральной темой его творчества и проистекала из его безграничной любви и преданности своему отечеству.

Пушкина чрезвычайно волновали темы русской истории, причём, обращаясь к этим темам, Пушкин никогда не уходил от жизни, а наоборот, стремился в драматических страницах истории русского народа найти неоспоримые доказательства его успешного движения вперёд. Иначе говоря, глубокая вера в будущее России вытекала у великого поэта из убеждения, что «высокое предназначение России — есть историческая закономерность».¹ Пушкин понимал выдающуюся историческую роль России, любил свою родину, защищал её, гордился ею. «России определено было высокое предназначение: её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией», — писал А. С. Пушкин в 1834 году. Не только блистательный поэт, у которого любовь к Родине носила глубоко и эмоционально окрашенный характер, но и историк-исследователь, Пушкин понимал, насколько задержало татарское иго развитие русского народа. «Они (татары), завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля»... Пушкин понимал также, что у русского народа главнейшей его исторической задачей было свержение варварского ига, задачей, которую русский народ с честью разрешил. Освободившись от татарского ига и взяв исторический разгон, она сделала стремительный скачок вперёд во время Петра I. «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы и европейское просвещение причалило к берегам завоёванной Невы».

Образ Петра, столь любимый Пушкиным, дорог поэту прежде всего как образ создателя могущественного русского государства. Пётр дорог поэту потому, что тот «всеобъемлющей душой на троне вечный был работник». Пора Петра, по словам Пушкина:

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

¹ Академик Греков в своей статье подчеркнул сущность исторических воззрений Пушкина так: «Несомненная идейная связь Пушкина с декабристами, его бичующие стихи по адресу самодержавия — всё это говорит о том, что он понимал, как историк, закат крепостничества и самодержавия».

Величие, сила и слава России — вот что вдохновляет поэта. Пётр дорог Пушкину потому, что он:

Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.

Пушкина радовало в Петре именно то, что Пётр так много отдал сил укреплению русского государства, стоявшего перед лицом своих явных или скрытых врагов. Не случайно все произведения Пушкина, где фигурирует Пётр, пронизаны патриотической идеей. Деятельность Петра чрезвычайно дорога Пушкину с точки зрения интересов государственных. Она важна потому, что при Петре «перетерпев судеб удары, окрепла Русь». Разбирая два стихотворения, посвящённые Петру,— «Стансы» и «Пир Петра Первого»,— Белинский, как гениальный критик, улавливает и подчёркивает в них именно патриотическую идею. Разобрав «Стансы», Белинский спрашивает: «Кому не известна так же превосходная пьеса Пушкина— «Пир Петра Великого»?». И отвечает: «Это высокое художественное произведение, и в то же время народная песня. Вот перед такую народностью мы готовы преклоняться; вот это — патриотизм, перед которым мы благоговеем».

А. С. Пушкин был ещё юным, когда произошло событие, в котором проявилась исключительная роль русского народа — война 1812 года.

События 1812 года стали для Пушкина теми грандиозными событиями, которые с неопровержимой логикой фактов показали, как исключительно велика роль России в решении судеб европейских государств.

Любовь к своей родине заставляла Пушкина многократно обращаться к крупным историческим событиям и крупным историческим деятелям России, утверждавшим её величие и славу. Из-под пера Пушкина встаёт живой образ могучего Олега, водрузившего свой «щит на ворота Цареграда». Олег для Пушкина — живая история борьбы русского народа за свободу и процветание своего государства. Несколько лет спустя после создания «Песни о вещем Олеге», в конце русско-турецкой войны, Пушкин снова обратится к образу Олега. Но на этот раз, обратившись к Олегу, Пушкин скажет:

И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

И «Песнь о вещем Олеге» и «Олегов щит» общи по исходной позиции. В основе одного и другого — защита русского государства. Но Олег заслуживает похвалы. Имя его «победой прославлено». Он эпический герой Пушкина, в нём отразился героический этап борьбы за русское государство. Пушкин вспоминает «Старый щит» Олега не случайно в стихотворении «Олегов щит». «Старый щит» превращается в живой укор царскому полководцу Дибичу, стратегия которого на взгляд Пушкина шла вразрез с интересами русского государства. Так, умение подняться в своей деятельности на высоту государственных интересов объясняет «великость» одного и бесславие другого.

Пушкин написал «Бориса Годунова», поставив перед собой задачу облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Что же это была за эпоха? Почему она привлекла внимание Пушкина? Внимание Пушкина было приковано к эпохе, когда с необычайной остротой встал вопрос о дальнейших путях русского государства, когда русский народ напрягал свои силы для борьбы за свою независимость, за свою свободу, за свою честь и самостоятельность.

К вопросу о судьбе русского государства приковано внимание Пушкина одновременно как гражданина и как поэта, ибо и гражданин, и поэт в Пушкине

неотделимы. Без широкой государственной точки зрения, без глубокой и кровной близости к своему государству художник не в состоянии разрешить свою задачу. Задавшись вопросом, что нужно драматическому писателю, Пушкин ответил, что среди прочих данных ему нужны и «государственные мысли историка».

Если подойти в свете рассматриваемого нами вопроса к крупнейшим произведениям Пушкина и в особенности к таким, как «Полтава», «Медный всадник», «Рославлев» мы всегда и неизбежно найдём у Пушкина тему русского государства, развитую в большей или меньшей степени, не во всех случаях пронизанную глубокой верой в неограниченные возможности его успешного развития.

В этой огромной любви к своей родине секрет той по истине гениальной прозорливости, с какой Пушкин умел решать злободневные вопросы своей эпохи в направлении, близком народу и не стареющем до наших дней. Так Пушкин, умея глубоко постигнуть государственные интересы русского народа, увидел в Самозванце авантюриста, орудие агрессивных целей иноземных захватчиков, в Мазепе — «врага России», предателя, который, вопреки исторически сложившемуся единству народов русского и украинского взял на себя низкую цель расторгнуть это единство.

Пушкин считал величайшей своей фамильной гордостью именно то, что слава его предков приобреталась не низменными средствами угодничества и низкопоклонства перед царями, а именно борьбой за становление и развитие русского государства.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный
Иван IV, пощадил;
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский гражданин.

Вспомним, как глубоко возмущала Пушкина «деятельность» таких писателей, как Булгарин, которые рассматривали литературу как торгашество и склонны были торговать клеветой на героическую историю русского народа. Это о Булгарине и ему подобных писал Пушкин: «Простительно выходцу не любить ни русских, ни Россию, ни истории её, ни славы её. Но не похвально ему за русскую ласку клеветать русский характер, марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев».

Когда Чаадаев опубликовал своё «Философское письмо», Пушкин очень горячо на него откликнулся. Почему? В «Письме» Чаадаева шла речь о России, о её настоящем, её прошлом, её будущем. Чаадаев критиковал крепостническую действительность. В этой критике было много суровой правды. Пушкин её принял. Но он горячо выступил против безнадежно-пессимистической оценки Чаадаевым прошлого и будущего России. «Что же касается нашей исторической ничтожности,— писал он Чаадаеву,— то я решительно не могу с вами согласиться. Война Олега и Святослава, и даже удельные усобицы — разве это не та же жизнь, полная кипучего брожения пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие её могущества, её движение к единству, к русскому единству, разумеется, оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре. Как, неужели

всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон. А Пётр Великий, который один есть целая всемирная история».

Именно в этом письме Пушкиным сказаны слова, которые могли родиться в сердце человека, для которого нет более высоких интересов, чем интересы своей родины: «...Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог её дал».

Пушкину было в высшей мере присуще глубокое патриотическое чувство, подкреплённое широким государственным размахом его мышления. Эта черта пушкинского гения прекрасно была уловлена Мицкевичем, сказавшим после смерти Пушкина: «Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека, заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентских прений».

Пушкин гордился своим государством в самом глубоком и самом возвышенном смысле этого слова. Это чувство у Пушкина было чрезвычайно активное, действенное. Оно превращало самого Пушкина в активного общественного деятеля, а его слово в острое средство борьбы с врагами русского народа. Так, задумав после закрытия «Литературной газеты» издание своего журнала, Пушкин в качестве одной из задач выдвигает борьбу с теми силами «озлобленной Европы», которая «нападает покаместь на Россию не оружием, но ежедневной бешеной клеветой...» «Пускай,— писал Пушкин,— позволят нам, русским писателям, отражать бесстыдные невежественные нападения иностранных газет».

Таким образом, в сфере своей деятельности — деятельности литературной, Пушкин вдохновляется заботой о силе и процветании своего государства и в буквальном смысле борется за него. Эта борьба тем более понятна и справедлива, что по словам Пушкина «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагоприятна».

Уже достаточно только перечисленных примеров, чтобы убедиться, что Пушкину больше, чем какому бы то ни было писателю в мировой литературе присуще это чувство глубокой государственной ответственности за судьбу своей страны. Герцен отмечал, говоря о Пушкине, что «великие поэты бывали царедворцами, свидетельством тому Гёте, Расин и другие; Пушкин не был ни царедворцем, ни сторонником правительства, но грубая сила государства отвечала его патриотическим чувствам».

Такова была позиция Пушкина во всех случаях, когда происходили столкновения между Россией и другими государствами. Такой была она и в вопросе о русско-турецкой войне 1828—29 гг., нашедшей своё отражение в «Путешествии в Арзрум».

Конечно, ограничить патриотизм Пушкина защитой русского государства, которое было государством крепостников, было бы грубейшей и недопустимой ошибкой. Пушкинский патриотизм—гораздо более глубокое и сложное чувство. Пушкин прекрасно понимал, что русскому народу совершенно необходимо крепкое, могущественное государство. Однако это государство было дворянское, оно использовалось крепостниками в целях жесточайшей эксплуатации народных масс. И это последнее порождало у Пушкина беспощадную разоблачительную критику крепостников. Пушкин, таким образом, стоял перед трагическим противоречием: государство есть, но оно далеко не такое, какое нужно русскому народу.¹ Эпоха Пушкина не могла разрешить этого противоречия. Но Пушкин отдал все свои творческие силы на борьбу с крепостническим режимом. Эта борьба Пушкина была делом народным и патриотизм его был истинный, потому что питался он из источника народного, его истоки уводят в самую гущу

народных интересов и делают Пушкина подлинно народным поэтом, а не поэтом крепостником, угнетавшим русский народ.

В своём дневнике за 17 марта 1834 года Пушкин написал слова, свидетельствующие о его глубоком возмущении образом жизни угнетателей народа: «Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника... Вероятно купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голоду?»

Ещё в ранних своих раздумьях над судьбами русского государства, его историей Пушкин обнаруживает остро-критический подход к оценке политики русского самодержавия. Об антинародной политике Екатерины Пушкин написал так: «Екатерина уничтожила звание (справедливое название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (то есть свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярия процветала под её патриархальным правлением».

Екатерина всячески заигрывала с западно-европейскими просветителями, вела оживлённую переписку с Вольтером, Дидро, вызвала в Петербург и сочла необходимым облагодетельствовать философа, который нищенствовал у себя на родине. Она прислала Фр. Шиллеру драгоценный перстень, когда Шиллер написал «Дон Карлоса» — пьесу, в которой утверждал идею, что свободу народ должен ожидать от «просвещённого монарха». Таким именно монархом хотелось казаться Екатерине и заигрывание с просветителями вызывалось у неё единственной потребностью завуалировать жестокое угнетение народа прекраснородушной иллюзией о гуманном характере абсолютизма. Об истинной «любви» Екатерины к просвещению Пушкин сказал хорошо: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешёл из рук Пашковского (домашний палач кроткой Екатерины — примечание Пушкина) в темницу, где и находился до самой её смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами, и Фонвизин, которого она боялась, не избежал той же участи, если бы не чрезвычайная его известность».

Но если французские просветители оказались жертвой с одной стороны собственной доверчивости, а с другой екатерининского лицемерия (кстати сказать, ещё в силу своей ограниченности, которая сказалась в их неверии в народ и в переоценке роли выдающейся личности в истории, но это уже предмет специальной темы), то Пушкин бичевал как раз антинародную политику Екатерины: «Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе своё действие; Наказ её читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить её наряду с Титами и Траянами; но, перечитывая её лицемерный Наказ, нельзя воздержаться от праведного негодования».

Величие русского государства у Пушкина неразрывно связывается с идеей политической борьбы за интересы русского народа. В уже цитированной нами заметке есть такие слова Пушкина: «...нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян».

Даже Пётр I, в котором Пушкин увидел великого государственного деятеля, был в то же время для него и «самовластным помещиком». «Достоин удивления,— писал он,— разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего,— вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика».

¹ Это противоречие и составляет, например, главное содержание «Медного всадника».

Таким образом, во взгляде на крепостническое государство Пушкин проявил прекрасное понимание его социальных тенденций, и вся его критика этого государства относилась именно к тем его сторонам, которые более всего подчёркивали его крепостническую природу. Он критиковал по сути дела крепостников, которые пользовались всей государственной машиной в своих узких, эгоистических и эксплуататорских интересах. Именно по этой причине Пушкин в крепостниках, то есть в господствовавшем в его эпоху классе, по справедливости видел носителей антигосударственных интересов, видел людей, совершенно чуждых чувства национальной гордости.

В поисках наиболее точной формулировки можно сказать, и это будет совершенно правильно, что Пушкин защищал русское государство, имея в виду интересы народа. Пушкин прекрасно понимал, что и главной силой государства является народ, а не крепостники.

В. И. Ленин называет представителей господствующих классов, готовых торговать своими национальными государственными интересами, худшими врагами родины.

Пушкин показал на примере русских крепостников, что эксплуататорам чуждо чувство патриотизма, то великое чувство, которое представителя народа ведёт на героическое самопожертвование во имя жизни, свободы, независимости своего государства.

Сошлёмся на два места из «Рославлева», сказанных Пушкиным словами героини, от которой ведётся рассказ. Вот слова, характеризующие крепостнический мир накануне 1812 года:

«Все говорили о близкой войне и сколько помню, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времён Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантной. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фантастическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. К нечастию, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничился жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобным. Молодые люди говорили обо всём русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации».

Здесь не только предательство, здесь отвратительное кокетничание своим предательством.

Но вот началась война. Что же изменилось в крепостническом мире? Может быть, исчез его антипатриотический нигилизм, уступил место подлинному патриотизму? Ничего подобного. К предательству присоединилась трусость. Пушкин великолепно показывает, что антипатриотизм — черта крепостников, класса угнетателей.

«Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразила нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули.

Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжёг десяток французских брошюр, кто отказался от лафита, а принял за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине, и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

Тут яркое и очевидное указание на антипатриотические мировоззрения класса эксплуататоров, класса помещиков. Оно звучит у Пушкина как обобщение, как результат его наблюдений. Жизнь действительно не мало дала примеров не только трусливого бегства крепостников от трудностей войны, но и явного предательства.

Есть в этих отрывках и слова, исполненные пушкинской простоты и величия. Это те слова, где Пушкин говорит о народе: «Народ ожесточился». Это значит, народ поднялся на священную войну в защиту своего отечества, в то время как крепостники продемонстрировали готовность предать его. Ожесточение народа названо им немного ранее «остервенением народа»:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима, иль русский бог?

Но как бы ни была названа борьба народа, смысл названия один — русское государство спасено народом.

Как подлинно народному поэту Пушкину никогда не изменяло чувство национальной гордости. В европейской литературе Пушкин шёл наряду с самыми крупными её современниками, представляя в ней величие своей родины и обаяние творческих сил русского народа. Ему было ненавистно самомнение иностранцев, которые, кичась принадлежностью к «цивилизованным» странам, пренебрежительно, свысока относились к России и её народу. Он хорошо знал цену тем заносчивым иноземцам, которые стремились в Россию «на ловлю счастья и чинов». Он хорошо знал цену «путешественникам залётным», всяким «перекрахмаленным нахалам».

Умея понять, правильно и по достоинству оценить значительные явления западно-европейской литературы, А. С. Пушкин между тем никогда не снижался до рабского, слепого преклонения перед западно-европейской литературой. Он смотрел на события литературной жизни с той высоты, на которую событиями мировой истории был поставлен русский народ. Иначе говоря, Пушкин никогда не поступался чувством национальной гордости перед иностранцами. А. С. Пушкин в оценке литературных явлений, также как и в литературном творчестве, всегда оставался русским национальным поэтом.

В форме короткого обзора я стремился добиться более или менее ясного и систематического представления по вопросу о взгляде Пушкина на государство и об отношении его к русскому государству, вопроса, который при многочисленных коротких высказываниях глубокого и всестороннего освещения в пушкиноведении ещё не получил. Между тем анализ вопроса об отношении Пушкина к русскому государству нам совершенно необходим потому, что он помогает нашему рассмотрению «Предисловия» к «Путешествию к Арзрум» в общей цели очень последовательной, очень энергичной борьбы Пушкина со всякого рода «заморскими клеветниками», борьбы, которая, как это явствует из всего сказанного выше, всегда возникала у Пушкина из интересов государственных.

Тщательная работа Пушкина над «Предисловием» свелась к тому, чтобы сделать отповедь клеветнику центральной его идеей. Но обратимся за подтверждением к самому «Предисловию». Первоначальная редакция предисловия была такой:

«В 1829 году отправился я на Кавказ лечиться на водах. Находясь в таком близком расстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с некоторыми из моих приятелей и с братом, служившим в Нижегородском драгунском полку. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашёл; армия уже

выступила в поход. Желание видеть войну, и сторону мало известную, побудило меня просить у его сиятельства графа Паскевича Эриванского позволения приехать в армию. Таким образом, видел я блестящую войну, увенчанную взятием Арзрума.

Журналисты наши как-то о том проведали и сделали мне честь упомянуть о моём путешествии в своих листках. По возвращении моём напечатал я одну из глав Евгения Онегина, писанную года три прежде. В «Северной пчеле» неизвестный Аристарх меня побранил не на шутку, ибо говорил он, мы ожидали не Евгения Онегина, а поэмы на взятие Арзрума. Почтенный «Вестник Европы» также пороптал на певунов, которые не пропели успехи нашего оружия.¹

Всё это было довольно странно. Какое было им дело, думал я с досадою, до моих путешествий, и неужели непременно был обязан писать именно то, что прикажут мне журналисты? Что за несчастные люди русские писатели! Они одни находятся вне устава цензурного. Наша частная жизнь подлежит обнародованию.

О каком офицере решился бы журналист написать, например, следующее: мы надеялись, что Г. такой-то возвратился из похода с Георгиевским крестом, вместо того он вывез из Молдавии одну лихорадку. Явно, что цензура того бы не пропустила. Однако же я не отвечал не желая доставить Гостиному двору приятное зрелище авторской травли и зная, что публика столь же мало заботится о причине моих путешествий, как и о строгих требованиях моих рецензентов.

Но недавно мне попалась книга, напечатанная в прошлом году Фонтанье, французский консул, по-своему рассказывая поход 1829 года (коего первым действием полагает он взятие Ахалцыха, взятого приступом 5 августа 1828 года) оканчивает свои военные суждения следующими строками:

Из отличных русских поэтов, бывших в Турецком походе я знал только А. Хомякова и А. В. Муравьёва — оба они находились в Европейской Турции. Первый написал несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал своё путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление. Но я не читал ни одной сатиры на Арзрумский поход.

Никак не догадался бы я, что дело идёт обо мне, если б несколько страниц прежде не нашёл я своего имени между именами генералов, начальствовавших в походе 1829 года. Признаюсь, обвинение французского писателя, несмотря на лестные эпитеты и чин, им пожалованный, было мне гораздо досаднее, чем площадная брань, к которой приучили меня отечественные журналы».

Этот первый вариант был существенно переработан, причём в этой переработке проявилась уже не столько работа художника, что само собой разумеется, сколько человека русского с тем широким государственным кругозором, который был одной из самых существенных сторон мышления великого поэта. Пушкин выбрасывает из первоначального варианта «Предисловия» объяснения о причинах своей поездки на Кавказ, он выбрасывает так же всё место, выражающее его возмущение нападками реакционной жур-

¹Пушкин имеет в виду здесь следующие слова Надеждина: «Струны лирные онемели для славного имени русского — между тем как ныне, более нежели когда-либо, мать святая Русь, лелеемая благодатным промыслом, под святым скипетром могущественного монарха, исполински восходит от славы к славе... Какое странное превращение... Некогда безвестный ревнитель Баяна, соловья старого времени, услаждаясь и дымом отчизны, не поскучал вверить заунывным звукам злополучное поражение и поносный плен Игоря; ныне, когда будто по следам баснословным Олега, торжествующая Россия уже готова была производить победоносный щит к стенам Константинополя, если б, смилостившись над поверженным врагом, не победила самой себя христианским смирением и человеколюбием — ныне ни один из певунов, толпящихся между нами, не подумал и пошевелить губ своих...»

налистики. Из пространного варианта первого «Предисловия» к «Путешествию» он берёт только его конец («Признаюсь, обвинение французского писателя... было мне гораздо досаднее, чем площадная брань, к которой приучили меня отечественные журналы»). Но и это окончание он не переносит буквально в последний вариант «Предисловия», а делает его отправным положением. Таким образом, работая над «Предисловием», Пушкин убирает всё, что кажется несущественным, и подчёркивает то, что кажется ему главным. Главным же ему представляется ответ Фонтанье, который пытался не только оклеветать Пушкина, но оклеветать и Россию. Перед этой задачей опровергнуть клевету купеческого консула, естественно, отодвигались на задний план и объяснение причин своей поездки на Кавказ и объяснение с реакционной журналистикой.

Будем в этом вопросе более конкретны и историчны. Совсем недавними были события 1831 года, когда западные хищники, под предлогом помощи Польше, призывали в отношении России к прямой интервенции. Тогда Пушкин на угрозы интервентов ответил гордыми словами русского человека:

Иль мало нас, или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?

А кто такой Фонтанье? Это как раз один из тех «мутителей палат», один из тех «клеветников, врагов России», которые страстно хотели её ослабления и поднимали «бурный шум и хриплый крик» о необходимости военной интервенции. Напомним одно интересное в этом отношении письмо Пушкина. Оно адресовано поэтом переводчику его стихотворения «Клеветникам России» Н. В. Голицыну. В нём Пушкин писал: «Отчего вы не перевели этой пьесы в своё время, я бы послал её во Францию, чтобы щёлкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов». Письмо это писалось в 1836 году 10 ноября, то есть примерно в то же время, что и «Предисловие» к «Путешествию». Речь идёт в нём о ретивых витиях из политического мира захватчиков, призывавших к войне с Россией в 1831 году. Но разве к 1836 году что-нибудь изменилось? Разве Фонтанье не принадлежал к числу тех самых хулителей России, которые продолжали пугать ею Европу? В 1836 году «Предисловием» к «Путешествию в Арзрум» Пушкин, говоря его собственными словами, «щёлкнул по носу» агрессивных политиков Европы — врагов русского государства.

В «Предисловии» Пушкин совершенно прямо заявляет, что его «Путешествие в Арзрум» не является сатирой на Арзрумский поход, как этого страшно хотелось Фонтанье. Надо знать отношение Пушкина к войне 1828—1829 гг., чтобы понять решительный толк его выступления против Фонтанье. Таким образом, казалось бы, частный вопрос, поднятый Пушкиным в «Предисловии» (желание снять с себя обвинение в том, что он написал сатиру на Паскевича), при более тщательном его анализе, оказывается связанным со всем мировоззрением Пушкина, с его отношением к войне 1828—29 гг., связанным в свою очередь с очень сложными и большими проблемами международного характера, решение которых не оставляло Пушкина в роли пассивного созерцателя. Мы сейчас останавливаемся на этих проблемах потому, что им посвящены целиком дальнейшие главы работы. Но мы сейчас хотим подчеркнуть основное, что вытекает из анализа работы Пушкина над «Предисловием». Этот анализ даёт нам право видеть в Пушкине писателя-патриота, считавшего своим долгом браться за перо во всех тех случаях, когда он

сталкивался с клеветническими измышлениями западноевропейских писателей и политиков относительно России.¹

Последний вариант «Предисловия» очевиден по своей целеустремлённости. Пушкин вступился не только за собственную честь, которой он, разумеется, чрезвычайно дорожил, но и за честь России, своей родины, своего народа, «вечного предмета невежественной клеветы писателей иностранных». Этот смысл переделок «Предисловия» отмечает и Ю. Тынянов, но он мало интересуется идейной целенаправлённостью этих переделок. Он писал: «Полемика с критикой сокращается. Главное место занимает ответ Фонтанье, в котором, однако, слышен иногда и ответ русской критике».

Отповедь французскому купеческому консулу Фонтанье была продиктована у Пушкина чувством патриотическим. Исследователи «Путешествия в Арзрум» (Вейденбаум, Черняев и др.) утверждали, что «Путешествие в Арзрум» появилось как прямой результат более раннего появления книги Фонтанье. Но этого слишком мало для того, чтобы считать вопрос о «Предисловии» исчерпанным.

Задача заключается не столько в том, чтобы понять, что Пушкин перерабатывает «Предисловие» таким образом, чтобы сделать его ответом на книгу Фонтанье, это очевидно, не в том, чтобы выяснить, какие побуждения толкали Пушкина на этот шаг. В основе его лежит совершенно ясное желание ответить не только на клевету, направленную против поэта, но и нанести удар по тем европейским зачинщикам войны, которые стремились всячески умалить роль и значение русского государства. «Может быть самый смелый переход через Саган-лу, движение, коим граф Паскевич отрезал Сераскира от Осман-паши, поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток, быстрый подход к Арзруму, всё это, увенчанное полным успехом, может быть чрезвычайно достойно посмеяния в глазах людей каковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор «Путешествия на Восток»...

Острый, иронический тон этого замечания Пушкина, сделанный в адрес Фонтанье, говорит сам за себя. Клевета на родину не могла у Пушкина остаться без ответа. Ответ продиктован его патриотическим долгом. И это был патриотизм истинный, глубокий, народный. Пушкин отнюдь не хотел оправдать всю Россию целиком, со всем его самодержавно-крепостническим режимом. Выше мы довольно подробно останавливались на выяснении характера патриотизма А. С. Пушкина. Было бы ошибкой считать, что полемика с Фонтанье позволяет квалифицировать Пушкина как носителя официальной «народности», как защитника бюрократически-помещичьей и военной машины царского самодержавия. Выступая против зарубежной клеветы на русский народ, Пушкин в то же время защищал его от российских крепостников.

Таким образом, тщательная работа Пушкина над «Путешествием в Арзрум» обнаруживает в писателе блестящего художника, великого мастера слова. Но сказать только это — значит сказать очень мало. Анализ работы Пушкина над «Путешествием в Арзрум» позволяет нам сделать вывод о том, как и во имя чего работал этот художник. Пушкин жил всеми интересами своей эпохи. Он писал как человек, для которого слово, прежде всего, служило интересам родины. Работа Пушкина над «Путешествием» одухотворялась глубоким патриотическим

¹ «Путешествие в Арзрум» не является в этом отношении исключением. Можно в подтверждение этой мысли сослаться на И. Фейнберга, долго занимавшегося «Историей Петра» и сделавшего правильный вывод относительно этой книги: «Книга о Петре должна была являться важным аргументом в споре Пушкина с клеветниками России».

стремлением и никогда не отрывалась Пушкиным от конкретно-исторической обстановки. Работая над «Путешествием» в пору усиленных притязаний на Кавказе европейского капиталистического мира, Пушкин стоял на почве государственных интересов России, прогрессивность которых была бесспорна, и хотел, чтобы его слово как нельзя лучше служило этим интересам.